

Взгляд коридорного, приправленный хитрой ухмылкой, буквально кричал: «А я знаю ваш секрет!» Линь И даже поежился — настолько красноречивой была эта мина. Он не стал тратить силы на объяснения, решив, что парень просто слишком много себе вообразил.

Мастеру на стадии Перехода через Бедствие еда не требовалась, так что завтрака Сюаньюань Куню хватило бы за глаза. Линь И дождался, пока мальчик постучит и войдет в комнату ученика, и со спокойным сердцем снова отлучился. Вернулся он с двумя стопками книг в синих обложках — пособиями для тех, кто только вступил на путь совершенствования.

Как говорится, учитель лишь открывает дверь, а идти по пути ученик должен сам. Войдя к Сюаньюань Куню, Линь И просто положил книги на стол.

Пусть теперь сам постигает мудрость.

Видимо, его прогулка заняла совсем мало времени. Оставив книги, Линь И заметил, что в лучах утреннего солнца белая фарфоровая чаша всё еще испускает легкий парок. Ароматная каша из фиников и лилий почти не убавилась.

Рассветные лучи просачивались сквозь полуоткрытое окно, наполняя комнату мягким светом, щебетом птиц и свежестью. Сюаньюань Кунь принялся разбирать книги, осторожно касаясь пальцами страниц. Он и сам не помнил, когда в последний раз спал так крепко и спокойно, позволяя себе почувствовать нежность утра.

Мысли о завтраке, принесенном ни свет ни заря, вызвали в нем странное, почти трепетное чувство. Тепло еды, казалось, согрело само сердце.

Вот только этот парень, коридорный... Кунь нахмурился, глядя в книгу. Что-то в его поведении было не так.

Линь И тем временем устроился в кресле и, наугад раскрыв один из томов, произнес:

— Просмотри пока эти свитки. Если что-то будет непонятно — спрашивай.

Сюаньюань Кунь очнулся от своих мыслей и послушно кивнул:

— Да, учитель.

Однако к еде он так и не прикоснулся.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом пылинок в солнечном свете. Линь И делал вид, что увлечен чтением, хотя на душе у него кошки скребли. Честно говоря, он редко что-то готовил сам. А когда наконец решился и вложил душу в этот завтрак, результат показался ему сомнительным. Но видеть, как его труды пропадают зря, было невыносимо. После недолгой внутренней борьбы он все же решился:

— Каша не по вкусу? Почему не ешь?

Он постарался придать голосу будничность, лишь краешком глаза наблюдая за реакцией Куня. Тот вздрогнул.

— Зачитался тем, что принес учитель, и совсем забыл, — Сюаньюань Кунь аккуратно отложил книгу и придвинул к себе чашу.

Конечно, он лукавил. Он прекрасно понимал, что в этих свитках нет ничего, что могло бы его по-настоящему удивить. На самом деле он всё это время пытался расшифровать те странные, туманные намеки, которыми сыпал коридорный.

Впрочем, сейчас обоих занимали вовсе не книги.

Сюаньюань Кунь зачерпнул порцию каши. Фарфоровая ложка тускло блеснула, когда он поднес к губам разваристую смесь. Вкус оказался удивительным — нежным, ароматным, в меру сладким. Утренняя меланхолия мгновенно рассеялась, уступая место умиротворению. Казалось, Кунь был по-настоящему доволен.

Линь И, не выдержав, вытянул шею и спросил:

— Ну как? Каково на вкус?

Сюаньюань Кунь посмотрел на чашу и кивнул:

— Замечательно. Очень нежно и ароматно.

«Вот оно, каково быть человеком из плоти и крови, — подумал Линь И. — Тело так уязвимо, что даже капля тепла от простой еды приносит такое утешение».

Услышав похвалу, Линь И почувствовал, как внутри него разливается ликование. Он с трудом сдержал довольную улыбку, лишь слегка приподняв уголки губ.

— Вот и хорошо. Твое тело сейчас слабо, поэтому питайся правильно и соблюдай режим. Не изнуряй себя лишней раз.

Он закрыл книгу, вспоминая сюжет оригинала. Там главный герой был невероятно трудолюбив, но ему помогал Небесный духовный корень. Здесь же Кунь уже трижды падал в обморок. Линь И невольно начал за него беспокоиться.

— Впереди еще много времени, незачем спешить. Я не хочу снова видеть тебя без чувств.

Ему не нужно было красть чужую силу для продления жизни, а у Куня сейчас всё равно не было корня, так что тренировки до седьмого пота были бессмысленны. Линь И боялся, что парень попросту загонит себя. Сюаньюань Кунь на мгновение замер, пораженный этой заботой, и в его взгляде промелькнуло нечто теплое.

Он хотел начать новую жизнь. И, кажется, у него действительно был шанс сделать всё иначе.

Внутреннее удовлетворение сделало его разговорчивее.

— Я запомню ваши наставления, учитель. Кстати, когда тот малый принес завтрак, он постоянно на что-то намекал... Боюсь, он неверно истолковал наши отношения.

Линь И поперхнулся, вспомнив ухмылку коридорного. Он прикрылся книгой и негромко кашлянул:

— И... что же он наговорил?

«Наверняка какую-нибудь чушь!»

Сюаньюань Кунь остался бесстрастным:

— Советовал не пренебрегать вашими чувствами. И пожелал нам поскорее стать спутниками на пути...

Кунь не стал договаривать, что парень расписывал всё в красках, активно предлагая свое «особое вино», чтобы содрать побольше денег. Он слишком хорошо знал, на что люди готовы ради наживы.

Услышав про «спутников», Линь И мысленно выругался. Так он и знал.

— Какая нелепость! Аж в краску вогнал, — он с досадой отложил книгу. — Видимо, я сам виноват, не прояснил ситуацию.

Надо было сразу сказать, что он — учитель. Хотя Линь И понимал: подобные слухи на пустом месте не рождаются. Он украдкой взглянул на Куня, гадая, что же тот думает на самом деле.

Но впрочем, это было не так уж важно.

Когда Сюаньюань Кунь доел кашу до последней ложки, Линь И уже вовсю увлекся книгой со сказками и легендами. В этом сборнике «Диких басен» одна заметка всего в несколько строк объясняла происхождение названия города Цзиньси. Оказалось, город назвали так вовсе не из-за «парчового» блеска богатств и не из-за переплетения ручьев, а в честь истории любви Лэн Бэйси, владельца Меча Лазурной Пустоты, и оборотня-карпа кои.

Это в корне противоречило тем принципам, которыми Линь И руководствовался, когда сам придумывал названия для этого мира.

— «Лазурь вышла из Бэйси, карп обернулся Матерью-драконом. Если суждено быть вместе, к чему хранить верность пустому городу...»

Линь И невольно усмехнулся. Лэн Бэйси был суровым и непоколебимым человеком, которого заботила лишь честь семьи да будущее своего меча. Своих жен он воспринимал исключительно как инструменты для продолжения рода. И если бы не талант Лэн Вэйсян, он бы на родную дочь лишний раз не взглянул.

«Если суждено быть вместе, к чему хранить верность пустому городу?»

Видимо, авторам подобных басен нравилось воображать невозможное. Ну надо же, какую фантазию проявили — если не видели, как градоначальник любит людей, то решили приписать ему страсть к нечисти.

В дверь постучали — коридорный пришел за посудой. Увидев улыбку на лице Линь И, Сюаньюань Кунь спросил:

— Что вы читаете, учитель?

— Да так, — Линь И отложил книгу. — Историю о том, как зацвела старая коряга.

Малый, собиравший тарелки, едва не вылетел из комнаты, услышав обращение «учитель». Он пулей скатился по лестнице, бормоча под нос:

— Ну и... ну и страсти!

Обычно на таком расстоянии люди ничего не слышат, но Линь И и Сюаньюань Кунь...

Они переглянулись в неловком молчании и тут же отвели глаза. Линь И потер переносицу:

— Ладно, не будем тратить время на этого болтуна.

Шум вокруг города Цзиньси утих удивительно быстро. На следующее утро стало известно, что пропавшая барышня Цяо сама пришла к дверям родного дома и пала на колени, каясь, что поддалась на уговоры демонического заклинателя и предала семью. Ее возлюбленный стоял рядом, и в итоге обоих увели под конвоем во внутренние покои поместья Цяо. Что было дальше — осталось семейным секретом.

В Павильоне Закаленных Звезд власть перешла к Лу Цзычэню. Тот проявил себя как достойный преемник: предъявив родовой жетон, который Лу Чжань отдал ему в ту ночь, он быстро усмирил недовольных. Волнения прекратились, слухи были пресечены, а переговоры с семьей Цяо прошли на удивление гладко.

В итоге выходило, что, кроме похищения Лу Чжаня демонами, других серьезных потерь город не понес.

Линь И еще не покинул город, когда Лу Цзычэнь, закончив дела с семьей Цяо, прислал ему послание.

«В час змеи ожидаю Чжэньжэня у моста Линьси».

Сюаньюань Кунь, хоть и не видел текста, холодно заметил:

— Семья Лу хочет переманить вас на свою сторону.

Линь И и сам это понимал. Но его интересовало другое.

— Что ты думаешь о Лу Чжане?

Кунь замер. Его взгляд стал глубоким, задумчивым, но в итоге он просто покачал головой:

— Не понимаю, что учитель имеет в виду.

Если раньше Линь И гадал, почему Лу Чжань не раскусил фальшивого Чжэньжэня, то теперь всё встало на свои места. Слухи о том, что он покинул гору Бутянь, распространились быстрее, чем он сам выбрался из того злосчастного строя. Появление самозванца под его именем не было сюрпризом. Напротив, он появился очень вовремя, чтобы послужить инструментом.

Лу Чжань не мог не видеть ничтожности сил того «мастера». Он просто воспользовался случаем, возведя обманщика на пьедестал, чтобы укрепить репутацию семьи. А если бы ложь вскрылась — все грехи можно было бы свалить на «самозванца». Даже Жемчужину Алого Дракона было не страшно отдавать такому проходимцу — вернуть её не составило бы труда.

Линь И хмыкнул:

— Скажу тебе так: этот Лу Чжань — настоящий волк в овечьей шкуре. Обвел всех вокруг пальца и использовал каждого в своих интересах.

Он не собирался судить его за моральные качества, но быть частью чужого плана было неприятно. Сначала свадьба, потом это собрание... Очевидно же, что он намеренно приманивал «пчел» на этот мед.

Лу Чжань всё спланировал. Он сдался похитителям слишком легко, заранее передав жетон сыну. Неудивительно, что Цзычэнь тогда выглядел таким потрясенным. Отец вовсе не проиграл бой — он просто не собирался сражаться. Магический строй, похищение... Лу Чжань прекрасно знал, что произойдет.

Он оставил себе два пути: либо оставаться дальновидным градоначальником, либо исчезнуть, инсценировав похищение. Он умудрился использовать даже Повелителя демонов!

Линь И усмехнулся. С таким талантом к интригам Лу Чжаню только городами и править. Заметив озадаченность Куня, он смягчился. Его герой всё еще был чист душой.

— Не бери в голову. Тебе лучше оставаться собой.

Затем каждый занялся своим делом.

Спускаясь вниз, Сюаньюань Кунь выглядел мрачнее тучи. В голове то и дело всплывал образ Линь И. Тот явно разгадал всю игру Лу Чжаня, хоть и не стал вдаваться в подробности. Мастер был проницателен, но, кажется, недолюбливал хитрецов. Тогда почему он, Кунь, пользуется таким особым отношением?

Наверное, Линь И всё еще верит, что перед ним тот самый Кунь из прошлой жизни.

Как смешно, как печально... и как глупо.

Если бы эта плоть могла стереть память и начать всё заново, кем бы он стал?

— Хозяин, я тебе точно говорю, гости сверху — те еще чудаки! — раздался внизу голос коридорного. — Да-да, те двое. Ох и странные они. Вчера ночью я видел, что у того, который Линь, свет горел до самого рассвета. А утром он сам кашу варил, с финиками и лилиями. Ингредиенты-то какие — всё самое дорогое, целебное. Явно с душой делал. А потом полчаса не решался сам отнести! Учитель, не учитель — какая разница? В итоге меня послал, да еще велел не признаваться, что это его рук дело. Ну ты скажи, что там за отношения такие!

Сюаньюань Кунь замер на лестнице. Слова о том, что Линь И готовил сам... Он на мгновение подумал, что ослышался.

Давешняя каша вдруг показалась обжигающе горячей. Кровь прилила к лицу, тело словно перестало подчиняться разуму. Повинуясь странному порыву, он развернулся и бросился обратно в комнату. Запыхавшийся, он посмотрел на Линь И и выпалил:

— Учитель! Если семья Лу будет использовать Жемчужину Алого Дракона как предлог, чтобы удержать вас — лучше уходите!

Линь И, увлеченный книгой, даже вздрогнул от такого внезапного напора. Он был по-настоящему поражен. С чего бы это вечно угрюмый и апатичный герой вдруг так разволновался?

Линь И ободряюще улыбнулся:

— Не волнуйся. Твой учитель не из тех, кто гонится за сокровищами.

Солнечный свет окутывал его фигуру мягким сиянием, а книга в руках дополняла образ мудреца. Он выглядел почти как божество в храме.

Всё такой же — и совсем другой.

В этой улыбке Сюаньюань Кунь отчетливо осознал: он не просто жив. В этот миг в нем пробудилось нечто подлое — эгоистичное желание.

А впрочем, оно зародилось еще в момент их встречи. Просто никогда прежде оно не было столь неистовым.

<http://bllate.org/book/17554/1711912>